

УДК 94(470)«1920/1929»:325.2

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-64-69

МИКУЛЕНОК Александра Андреевна,
Кубанский государственный Университет,
Краснодар, Россия
klio-alex@yandex.ru

MIKULENOK Alexandra Andreevna,
Kuban State University, Krasnodar, Russia
klio-alex@yandex.ru

ПРОБЛЕМА УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ В ПОЛЬШЕ В 1920-е гг.

REGULATION OF THE LEGAL STATUS OF RUSSIAN IMMIGRANTS IN POLAND IN 1920-s

В статье рассматривается правовое положение российской эмиграции в Польше в 1920-е гг. Данная работа главным образом базируется на материалах так называемого Русского заграничного исторического архива (РЗИА), который находится на спецхранении в Государственном Архиве Российской Федерации (г. Москва). Автор анализирует способы урегулирования правового положения российских эмигрантов, существовавшие в Польше в 1920-е гг. Помимо этого, показаны условия получения гражданства для опитирующих и рассмотрены проблемы, с которыми сталкивались беженцы при оформлении документов по легализации своего правового положения. Также рассмотрены различные способы, разрешающие эмигрантам проживать на законных основаниях на территории Польши. Автор попытался проанализировать причины пассивного отношения самих эмигрантов к своему правовому статусу и позицию польского правительства к этой проблеме и к самим эмигрантам.

The article highlights the legal status of the Russian emigration in Poland in the 1920s. The article is based on the materials of the so-called Russian Foreign Historical Archive (RZIA), which is kept in a special storage in the State Archive of the Russian Federation (Moscow). The author analyzes the existing ways of regulating the legal status of Russian immigrants in Poland in the 1920s. In addition the article highlights the conditions of obtaining citizenship for those with the right to choose it as well as the problems faced by refugees in preparation of documents for legalization of their legal status. The author also considers the ways allowing immigrants to reside legally on the territory of Poland. The author has attempted to analyze the reasons for the passive attitude of immigrants to their legal status and the position of the Polish Government regarding this problem and the immigrants themselves.

Ключевые слова: российская эмиграция, Польша, правовой статус белоэмигрантов, беженцы, апатрид, асиль, гражданство.

Keywords: Russian emigration, Poland, legal position of white-guard emigrants, refugees, apatrid, asil, nationality.

После революционных событий в России начался массовый отток граждан из страны, первоначально наибольший поток эмигрантов был направлен в приграничные страны (Латвию, Литву, Польшу, Румынию, Финляндию, Эстонию). Большинство российских беженцев в этих странах составляли бывшие военные Белой Армии, военнопленные, интернированные, содержащиеся в лагерях Польши, или же просто люди, бежавшие от революции, войны, нелегально перешедшие границу, помимо этого, здесь находились русские, постоянно проживавшие на территориях, отошедших от Российской империи [1, с. 59]. С 1918 г. российские беженцы начали искать убежище в Польше, а уже формирование самой российской диаспоры началось после завершения советско-польской войны.

Источники предоставляют разные данные относительно численности российской эмиграции. Польский посланник при Лиге Наций Т. Филиппович предполагал, что в стране к 1923 г. находилось примерно 350 тыс. нелегалов из России и 90 тыс. чел. зарегистрированных [2, с. 138]. По данным Ф. Нансена, представленным в секретариат Лиги Наций, в 1924–1928 гг. численность российских беженцев варьировалась от 68 300 до 100 000 чел. [3, с. 61]. Военное Министерство оценивало численность эмигрантов в несколько сот тысяч человек [4, л. 2 об.]. По сведениям Верховного Комиссариата, в 1921 г. в Польше находилось порядка 450–600 тыс. беженцев [5, с. 63]. Одна из причин невозможности установления точной численности эмигрантов в Польше заключается в том, что бывшие граждане Российской империи, имеющие право на получение гражданства, но не получившие его по каким-либо причинам, числились как эмигранты. Помимо этого, Польша достаточно часто выступала в качестве транзитной зоны – отсюда было проще добраться до Берлина или Парижа, но в официальной статистике это не отражалось, таких беженцев записывали как постоянно проживающих в стране.

Согласно Декрету СНК РСФСР от 15.12.1921 г. «О лишении прав гражданства», российского гражданства лишались лица, находящиеся за границей свыше пяти лет и не получившие от Советских представительств заграничных паспортов или разрешения на пребывание вне России [6].

Вышеуказанный Декрет определял категории беженцев из бывшей Российской империи, которые становились апатридами. После обнародования данного Декрета в мире оказалось порядка 1,5 млн таких людей, поэтому в сложившейся ситуации важнейшим стал вопрос об урегулировании правового статуса апатридов.

Польская Республика при наличии общей с Советской Россией границы, обладающей протяженностью более чем в 1 200 км и недостаточной степенью ее охраны, была наиболее

притягательна для беженцев, спасающихся от войны, голода и политических репрессий [7, л. 2]. Поэтому в первой половине 1920-х гг. советско-польскую границу ежемесячно нелегально пересекало порядка 30–50 тыс. человек [8, с. 59].

Все российское население в Польше условно разделялось на три категории:

1. Репатрианты

- а) прибывшие легально;
- б) прибывшие нелегально;

2. Российские эмигранты, не претендовавшие на польское гражданство

- а) прибывшие легально;
- б) интернированные и военнослужащие Белой Армии;
- в) политические эмигранты, прибывшие после 12 октября 1920 г., но не служившие в Белой Армии;
- г) лица, бежавшие из Советской России по экономическим причинам. Их немедленно депортировали из страны через «зеленую зону»;

3. Лица, имевшие недвижимое имущество в Польше. Они, согласно Версальскому и Рижскому мирным договорам, не могли быть высланы из страны, даже при отсутствии гражданства или права на пребывание в стране [9, л. 12].

Однако в связи с большим количеством желающих найти убежище в Польше и невозможностью предоставления его всем нуждающимся и материальной помощи, польское правительство решило провести перепись всех находящихся на территории Польши беженцев. Всем проживающим без разрешения властей было предписано покинуть страну в кратчайшие сроки, однако эта мера не дала никаких результатов, так как при численности нелегальных беженцев в несколько сот тысяч официально свой статус признало только 15 тыс. человек [10, л. 2 об.].

Поэтому для корректировки численности нелегальных эмигрантов в стране польское правительство в 1922 г. запретило русским проживать в приграничной 150-верстной полосе. Этот запрет способствовал регулярной высылке российских беженцев из страны (депортировали мелкими группами и, как правило, по политическим причинам: по обвинению в монархизме, германофильстве, шпионаже, пропаганде большевизма и т.д.). Однако эта мера не принесла желаемых результатов. Поэтому было издано распоряжение МВД от 05.12.1922 г., согласно которому беженцы из России и Украины, прибывшие в страну нелегально после октября 1920 г. и до сих пор не имевшие необходимых документов, не позднее 01.03.1923 г. должны были покинуть Польскую Республику. В связи с большим количеством желавших узаконить свое пребывание в стране, после обнародования данного распоряжения дата депортации была перенесена на более поздний срок – 15 апреля 1923 г.

Согласно вышеуказанному распоряжению все документы, выданные эмигрантам до 12.10.1920 г., становились недействительными. Лица, проживавшие в Польше и не получившие гражданства до 15.04.1923 г., могли быть депортированы из страны по решению местных властей, за исключением репатриантов и лиц, отыскивающих польское гражданство, так как они пользовались «правом азилия» на время оформления документов [11, л. 10].

Как правило, у высылаемых интересовались предпочтением страны для депортации. После принудительной депортации большинство беженцев вновь нелегально возвращалось в страну, но только при условии, что депортация была осуществлена не в Советский Союз. Большинство репатриантов предпочитало город-государство Данциг ввиду близости с польской границей и как следствие – возможности скорейшего возвращения в Польшу. Однако власти города были против столь большого наплыва репатриантов в связи с тяжелым экономическим положением в городе и большой численностью депортированных, поэтому большую часть нелегально перешедших польскую границу депортировали через так называемую «зеленую зону» (приграничная территория между Польшей и Советской Россией). Несмотря на частые депортации и тяжелые условия для перехода границы, количество желающих покинуть Совдепию не уменьшалось, а, наоборот, только увеличивалась.

Хотя в ст. 95 Польской Конституции от 17 марта 1921 г. говорилось о том, что «иностранцы при условиях взаимности пользуются равными правами с гражданами Польского государства и несут равные с ними обязанности» [12], de facto российские беженцы имели множество проблем при пересечении границы, получении документов и при передвижении внутри страны. Большинство из них не имели при себе никаких документов, которые идентифицировали бы их как личность. Апатриды могли восстановить российское гражданство или остаться гражданами Российской империи в надежде на скорое падение большевизма и возвращение на родину, но часть беженцев предпочла получить гражданство той страны, на территории которой прожива-

ла. Согласно вышеупомянутому декрету, покинувшие Россию после 07.11.1917 г. без разрешения Советских властей, добровольно служившие в Армиях, сражавшихся против Советской власти, или участвовавшие в контрреволюционных организациях лишались российского гражданства, однако впоследствии могли восстановить его.

Все иностранцы, находившиеся в Польше, должны были быть зарегистрированы и иметь специальное разрешение на пребывание в стране. Это могла быть «карта побыта», «карта азилия» или непосредственно само гражданство. Всем прибывшим иностранцам в Польше выдавали «карту побыта», реже – «карту азилия», формы которых были установлены распоряжением МВД от 18.09.1919 г. «О регистрации иностранцев в воеводствах». В Варшаве, например, эти документы были бессрочные, а в некоторых воеводствах только «карта азилия» была бессрочна, а «карта побыта» выдавалась сроком на 3–6 месяцев [13, л. 48]. Зачастую власти требовали явки владельцев «карт побыта» в полицейские управления каждые две недели, а иногда и чаще – для проверки (мельдования) [14, с. 344]. А это, в свою очередь, требовало постоянного нахождения на территории воеводства, где она была выдана. Но с 1924 г. вид на жительство стали выдавать постоянный, с предоставлением права свободного передвижения и проживания на всей территории государства, за исключением восточных приграничных воеводств («восточных кресов»).

«Карта азилия» выдалась только тем, кто имел право на убежище, например политическим эмигрантам, польские власти к этой категории относили лиц, подвергшихся в России политическому преследованию, и, следовательно, после возвращения в Россию им грозила смерть или тюремное заключение [15, л. 48], или интернированным, уволенным из лагерей. Все остальные русские беженцы в случае разрешения на пребывание в Польше получали «карту побыта», этот же документ выдавался бывшим русским гражданам, жителям Польши, за которыми гражданские права не были признаны. Практической разницы между этими двумя документами не было, однако принципиальная разница была большая: «карта азилия» – документ, дававший право на политическое убежище, «карта побыта» – документ, разрешавший нахождение в Польше, однако он не защищал от депортации и его всегда могли отозвать обратно.

В сентябре 1924 г. была произведена регистрация всех русских эмигрантов, все имевшие «карту азилия» должны были уплатить 12 злотых, за «карту побыта» – 24 злотых. Этот сбор предназначался для изготовления новых документов, однако они так и не были выданы. В МВД такую задержку объясняли тем, что не была окончательно выработана форма документов для иностранцев, в том числе и для беженцев.

Проще всего было получить «карту побыта», сложнее – «карту азилия».

Мужчины, имеющие «карту побыта» и не имеющие другого гражданства, обязаны были отбывать воинскую повинность, уклонявшихся высылали из страны с выдачей нансеновского паспорта, без права возвращения. Исключения составляли только лица, хлопотавшие о палестинском подданстве [16, л. 73].

Мужчины, призывавшиеся в 1883–1901 гг., должны были иметь специальные военные книжки или «карты освобождения или отсрочки».

Беженцы, проживающие в лагерях для интернированных, на время своего нахождения за пределами лагеря получали специальные пропуска для идентификации. С ними они могли свободно передвигаться по территории воеводства, однако выдавались они в некоторых случаях, например при болезни [17, л. 87]. Пропуска различались по цвету: белый выдавался интернированным армии Бредова, зеленый – офицерам комиссии довольствующих, голубой – мужчинам, розовый – женщинам.

Пропуска были действительны только на территории Польши, однако и иностранные представители признавали их.

На получение «азилия» могли рассчитывать лица, не скрывавшие своего враждебного отношения к большевизму или подвергшиеся преследованию в Советской России; служившие в армиях Перемыкина и Булак-Балаховича, но первоначально им необходимо было доказать факт службы, преследования большевиками в Советской России или служения в Белой Армии.

Для этого необходимо было предоставить в Министерство внутренних дел все документы на русском и польском языках и показания трех достоверных свидетелей, определяющие при вынесении решения. После подачи заявления о праве «азилия» документы тщательно проверяли в МВД и на основании проверки уже выносили окончательное положительное или отрицательное решение [18, л. 8 об.; 11].

В отношении признания права политического убежища («азилия») существовал следующий порядок подачи документов: на первом этапе их подавали местному старосте, он рассматривал ходатайство, в случае его отказа следовало приносить жалобу воеводе, при отказе последнего – в Министерство [19, с. 340.]. Если местные власти отказывались принимать хода-

тайства о признании права «азилия», тогда немедленно следовало сообщить об этом в Русский Попечительный Комитет (РПК), который в свою очередь направлял ходатайство в Министерство.

Лица, нелегально перешедшие границу в период 1920–1922 гг., могли воспользоваться правом «временного пребывания» в Польше, но только при условии дальнейшей эмиграции, и должны были покинуть страну до 1 марта 1923 г. [20, л. 9 об.].

Первая попытка урегулировать порядок получения польского гражданства для российских эмигрантов была сделана практически сразу после провозглашения *de facto* независимости Польской Республики. В 1920 г. был издан «закон о праве гражданства от 20.01.1920 г.», который определял категории граждан, имеющих право оптировать польское гражданство.

Дальнейшим шагом к узакониванию порядка оптации польского гражданства был Рижский мирный договор от 18.03.1921 г., который содержал пункты, регулирующие вопросы и порядок оптации для российских граждан, проживавших на территориях, вошедших в состав Польской Республики. Эта категория оптирующих в первую очередь получала гражданство.

Помимо них, все лица, достигшие 18-летнего возраста и проживавшие на территории России и Украины, при желании также могли оптировать польское гражданство. Для этого необходимо было доказать родственную принадлежность к лицам, принимавшим участие в борьбе за независимость Польши в 1830–1865 гг., либо лицам, которые постоянно проживали на территории бывшей Речи Посполитой, но не далее третьего поколения. Еще одним обязательным условием для оптантов было владение польским языком на разговорном уровне и воспитание детей в соответствии с культурными традициями польского общества. Все российские беженцы, в том числе и находящиеся вне границ России, Украины и Польши, могли заявить о желании получить польское гражданство только в том случае, если они не являлись гражданами тех государств, на территориях которых находились.

Решение о предоставлении гражданства выносилось в течение двух месяцев со дня подачи заявления об оптации; в отношении лиц, проживавших на Кавказе и в Азиатской России, срок рассмотрения увеличивался до трех месяцев [21]. *De jure*, лица, законно совершившие оптацию, признавались гражданами того государства, в пользу которого совершалась оптация, на равных правах с остальным населением. *De facto*, в силу целого ряда причин, включая и историческое прошлое двух стран, польские власти в значительной степени негативно относились к России, что, в свою очередь, отразилось на положении российских беженцев в Польше. Оптация польского гражданства могла быть произведена до 1 апреля 1923 г.

В 1922 г. МВД Польши издало циркуляр, устанавливавший категории оптирующих, пользующихся преимуществом при оптации польского гражданства; это были лица, состоявшие на польской военной службе добровольно или по призыву, и лица, чьи родители являлись гражданами территорий, отошедших Польскому государству. Они получали гражданство в первую очередь.

Лица, родившиеся на территории Польши и чьи родители до этого фактически проживали на польской территории, также могли рассчитывать на получение гражданства, но сначала право на его получение должно было быть доказано.

Эти правила применялись к людям, проживавшим на польской территории до войны и покинувшим Российскую империю законным путем.

При вступлении в брак с лицом, имеющим гражданство, второй супруг автоматически приобретал его [22, л. 2]. Поэтому среди эмигрантов были распространены краткосрочные фиктивные браки для получения гражданства.

Таким образом, несмотря на многочисленность российских беженцев в Польше, большинство из них находилось в стране нелегально и не спешило урегулировать свое пребывание в Польше с правовой точки зрения. Обусловлено это было тем, что большинство беженцев не имели при себе документов, идентифицировавших их как личность. Многие из эмигрантов боялись начинать хлопотать о своем правовом положении из-за того, что при отсутствии документов им грозила немедленная депортация. Кроме того, оформление документов было весьма дорогостоящим, а большинство беженцев не имело никаких средств к существованию – последнее было отдано при пересечении приграничных кордонов. К тому же среди местных властей были распространены случаи вымогательства денег у нелегалов за «покровительство», в случае отказа – немедленная депортация в Советскую Россию. А для многих беженцев депортация грозила расстрелом как изменникам Родины. Поэтому большинство эмигрантов предпочитало оставаться на нелегальном положении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): Сборник документов и материалов / Сост. З. С. Бочарова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 59.
2. Бочарова З.С. Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории: Учебное пособие. – М.: АИРО-XXI, 2011. – С. 138.
3. Там же. – С. 61.
4. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 35. Л. 2 об.
5. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) / Катрин Гусефф; пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байсвенгер. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 63.
6. Декрет СНК РСФСР от 15.12.1921 «О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей» // <http://www.lawmix.ru/sss/18018> (Дата обращения: 10. 05. 2013).
7. ГАРФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 147. Л. 2.
8. Русские беженцы... – С. 59.
9. ГАРФ. Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 35. Л. 12.
10. ГАРФ. Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 32. Л. 2 об.
11. ГАРФ. Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 35. Л. 7-14.
12. Конституция Польской Республики от 17.03.1921 г. // <http://www.twirpx.com/file/989674/> (Дата обращения: 21. 06. 2013).
13. ГАРФ. Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 32. Л. 48.
14. Русские беженцы... – С. 344.
15. ГАРФ. Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 32. Л. 48.
16. ГАРФ. Ф. Р-7003. Оп. 1. Д. 16. Л. 73.
17. ГАРФ. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 1. Ч. 2. Л. 87.
18. ГАРФ. Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 35. Л. 8 об.; 11.
19. Русские беженцы... – С. 340.
20. ГАРФ. Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 35. Л. 9 об.
21. Рижский мирный договор от 18.03.1921 г., между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей // <http://www.brestobl.com/nasel/naselen/dok/1921/index.html> (Дата обращения: 10.07.2013).
22. ГАРФ. Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 78. Л. 2.

REFERENCES

23. Russian refugees: The issue of the settling, return to Homeland and the settlement of the legal status. [Russkie bezhentsy: Problemy rasseleniya, vozvrashcheniya na Rodinu, uregulirovaniya pravovogo polozheniya (1920-1930-e gody): Sbornik dokumentov i materialov], Sost. Z.S. Bocharova. Moscow: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2004. P. 59. (in Russ.).
24. Bocharova Z.S. Russian abroad. [Rossiyskoe zarubezh'e 1920-1930 gg. kak fenomen otechestvennoy istorii. Uchebnoe posobie]. Moscow: AIRO-XXI, 2011. P. 138. (in Russ.).
25. Ibid. P. 61.
26. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F.R-5814. Op. 1. D. 35. L. 2 ob.
27. Guseff K. Russian's emigration in France: the social history (1920-1939). [Russkaya emigratsiya vo Frantsii: sotsial'naya istoriya (1920-1939 gody)]. Katrin Guseff; per. s frants. E. Kustovoy; nauch. red. M. Bayssvenger]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. P. 63. (in Russ.).
28. Dekret SNK RSFSR from 15.12.1921 «About deprivation of citizenship rights of certain categories of persons residing abroad».[Dekret SNK RSFSR ot 15.12.1921 «O lishenii prav grazhdanstva nekotorykh kategoriy lits, nakhodyashchikhsya za granitsej»]. Available at: <http://www.lawmix.ru/sss/18018> (accessed 10 May 2013). (in Russ.).
29. GARF. F. R-5913. Op. 1. D. 147. L. 2.
30. Russian refugees [Russkie bezhentsy]... P. 59.
31. GARF. F. R-5814. Op. 1. D. 35. L. 12.
32. GARF. F. R-5814. Op. 1. D. 32. L. 2 ob.
33. GARF. F. R-5814. Op. 1. D. 35. L. 7-14.
34. Constitution of Polish Republic from 17. 03. 1921. [Konstitutsiya Polskoy Respubliki ot 17. 03. 1921 g.], Available at: <http://www.twirpx.com/file/989674/> (accessed 21 June 2013). (in Russ.).
35. GARF. F. R-5814. Op. 1. D. 32. L. 48.
36. Russian refugees [Russkie bezhentsy]... P. 344.
37. GARF. F. R-5814. Op. 1. D. 32. L. 48.
38. GARF. F. R-7003. Op. 1. D. 16. L. 73.
39. GARF. F. R-1886. Op. 1. D. 1. P. 2. L. 87.
40. GARF. F. R-5814. Op. 1. D. 35. L. 8 ob.; 11.
41. Russian refugees [Russkie bezhentsy]... P. 340.
42. GARF. F. R-5814. Op. 1. D. 35. L. 9 ob.
43. Peace treaty from 18. 03. 1921 between RSFSR and USSR with one side and Polish Republic. [Rizhskiy mirnyy dogovor ot 18. 03. 1921 g., mezhdru RSFSR i USSR, s odnoy storony, i Polshey]. Available at: <http://www.brestobl.com/nasel/naselen/dok/1921/index.html> (accessed 10 July 2013). (in Russ.).
44. GARF. F. R-5814. Op. 1. D. 78. L. 2.

Информация об авторе

Микуленок Александра Андреевна, аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
klio-alex@yandex.ru

Получена: 01.10.2015

Для цитирования статьи: Микуленок А. А., Проблема урегулирования правового положения российских эмигрантов в Польше в 1920-е гг. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. №6. Часть 2. с- doi-

Information about the author

Mikulenok Alexandra Andreevna, Postgraduate student, Chair of Modern, Contemporary History and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russia
klio-alex@yandex.ru

Received: 01.10.2015

For article citation: Mikulenok A. A., Regulation of the legal status of russian immigrants in poland in 1920-s. [Problema uregulirovanija pravovogo polozhenija rossijskih jemigrantov v Pol'she v 1920-e gg]. Krasnodar. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l* = *Historical and Social Educational Ideas*. 2015. Tom 7. № 6 vol-2. C - . doi: